

«Две женщины» (Коренблит – Винокуров)

1. Геометрия – 1.26
2. В семнадцать лет – 1.09
3. Те девочки – 1.49
4. И понял я – 1.30
5. В провинциальном парке – 2.22
6. Осенний сезон – 1.22
7. Жар-птица – 1.36
8. Та женщина – 1.20
9. Когда уходит женщина – 1.17
10. Ушла – 1.26
11. Свой уют – 1.27
12. Тебя я разлюблю – 1.47
13. Эти – 1.20
14. О женщине – 1.15
15. Молитва за женщину – 1.57
16. Две женщины – 1.38
17. Что ещё? – 1.12
18. Займися музыкой, Сократ – 1.14
19. Граммофон – 1.42
20. Заклинатель змей – 2.05
21. Чудаки – 1.08
22. Поиск опоры – 2.10
23. Ответчик и истец – 1.19

Общее время звучания – 35.31

СОДЕРЖАНИЕ

1. ГЕОМЕТРИЯ

О, Петр, ведь ты построил город
Не для умерших — для живых?..
Тяжелый дождь бежит за ворот
Окаменевших часовых.

Пронзительны аллеи парков.
Прямы проспекты, как стрела.
Сильней божественных монархов
Здесь геометрия была.

Был нежен в башнях цитадели
И кроток лепет голубиц...
И страшные на мир глядели
В окно глаза царубийц.

Дивятся каменные финны.
Курятся трубки из бород...
Вот и построили Афины
Средь топей северных, болот!

Налево львы. И львы направо...
 А у заставы инвалид
 Штык держит вертикально прямо,
 Как Геометрия велит.

2. В СЕМНАДЦАТЬ ЛЕТ

В семнадцать лет я не гулял по паркам,
 В семнадцать лет на танцах не кружил,
 В семнадцать лет сигарочным огарком
 Я больше, чем любовью, дорожил.

В семнадцать лет среди тощих однолеток
 Я шел, и бил мне в спину котелок.
 И песня измерялась не в куплетах,
 А в километрах пройденных дорог.

...А я бы мог быть нежен, смел и кроток,
 Чтоб губы в губы, чтоб хрустел плетень!..
 В семнадцать лет с измызганных обмоток
 Мой начинался и кончался день.

3. ТЕ ДЕВОЧКИ

Нам имена их вспомнятся едва ли...
 Обняв девчонок, мы в полночный час
 Истории такие заливали,
 Каких нам и не выдумать сейчас!

Луна, теплынь, никто нас не торопит,
 Молокососы и говоруны,
 Мы рассуждали, что имеем опыт,
 Что в хитростях любви умудрены.

И нас любили, но любовь простая
 Тех девочек совсем не шла в расчет.
 Смеялись мы, надменные, считая:
 Любовь еще бессмертная придет!

Шли годы. Мы немало повидали.
 Нам горько, что в оставшихся вдали,
 В тех девочках тогда не угадали
 Того, чего мы так и не нашли.

4. И ПОНЯЛ Я

На красный свет, среди уличного гула,
 я перешел бульварное кольцо.
 И вот передо мной на миг мелькнуло
 задумчивое женское лицо...

Навек, среди толпы, одетой броско,
 нас разделил летящий самосвал...
 Запомнил я: обычная прическа
 и личика внимательный овал.

Московским днем на улице рябило.
 Автомобиль протяжно протрубил...
 И понял я: она б меня любила
 и я б ее любил.

5. В ПРОВИНЦИАЛЬНОМ ПАРКЕ

Платья пошила — ах, больно уж марки! —
 Весна-мамаша черемухам-дочерям...
 Это было в высоком провинциальном парке,
 Где играет оркестр по вечерам.

Там лохматые сосны с липами спелись,
 И у кленов размашистых много причуд.
 Там кружат офицеры — какая прелесть! —
 С девушками, склонившимися к плечу.

И там, в глубине, у самого края,
 Где забор накренился, парк окайма,
 Была у меня одна — эх, дорогая! —
 Со вздохом мной вспоминаемая скамья.

Там перекрашивались синею мастью
 Косы в русалочки наяву.
 Там было немного — помню! — настоящего счастья
 И немного вальса, проникшего сквозь листву.

Сейчас там осень. Валежник. Галки.
 Не вчера это было и не позавчера!.. ...
 Это было в высоком провинциальном парке,
 Где играет оркестр по вечерам.

6. ОСЕННИЙ СЕЗОН

Осенний настает сезон,
 дождь моросит часами.
 И я высоко вознесен,
 как бриг под парусами.

Течет вода с пустых высот,
 и звук паденья скуден,
 Меня же между тем несет
 поверх стучащих буден.

Хотя бы солнца слабый блик
 или отрывок сини!..
 Я проношусь над всем, как бриг,
 как бы мираж в пустыне.

7. ЖАР-ПТИЦА

Под ледяным дождем столица,
 осенний и тоскливый час,
 но мне отратно знать: жар-птица

меня ждет в комнатке сейчас!
 Мой поднят воротник, в кармане
 бренчат квартирные ключи...
 Глаза закрою — и в тумане
 одни слепящие лучи...
 И я вхожу, кульки роняя,
 покинув за спиной дела...
 Спрошу лишь: — Ты ждала, родная? —
 И скажет мне она: — Ждала...

8. ТА ЖЕНЩИНА

Мне не сойти с привычной колеи...
 Чтоб дать мне пить, встает в одной рубашке
 Та женщина, что знает все мои
 Безумия, сомнения и страхи.

К стакану губы я во тьме тяну.
 И сплю. Но, одеяла край бросая
 На пол, я вновь зову ее. Одну.
 И вновь ко мне она идет босая.

Кричу. Но засыпаю. И во сне
 Поймать опять хочу обрывок нити...
 Она одна все знает обо мне —
 Коль надо будет что, ее спросите.

9. КОГДА УХОДИТ ЖЕНЩИНА

Когда уходит женщина, скажи:
 «Не уходи!» — и задержать попробуй.
 На плечи смело руки положи.
 Она их сбросит тотчас же со злобой.

Когда уходит женщина: «Молю!
 Куда? — скажи. — Куда ты?» — Без ответа
 Посмотрит лишь. Сквозь зубы: «Не люблю!» —
 Произнесет. Что возразишь на это?

Когда уходит женщина, вперед
 Зайди! Она и не поднимет взгляда!
 ...Когда ж уйдет, то, свесившись в пролет
 Кричать: «Прощу, вернись!» — уже не надо...

10. УШЛА

Делить я не хочу с тобою даже мига,
 и вечности делить я тоже не хочу...
 У квасного ларька запойный горемыка
 мне хлопнул как-то раз ладонью по плечу.

Он тут же раздобыть стаканчик постарался,
 бутылку белого, два плавленых сырка.
 Среди мира этого, где нету постоянства,
 мы помолчали с ним. Я захмелел слегка.

13. ЭТИ

Нет, эти босиком не выбегали
К любимому, в морозы, на крыльцо
И серной кислотой не выжигали
Соперницы проклятое лицо.

В них пыл не тот,
У них спокойный нор.ов.
Любовь не принимается всерьез.
Сдаются без особых разговоров
И утром просыпаются без слез.

И вспоминают молодость, старея:
Апрель. Луна. Холодный блеск реки.
За пазухой у них ладони грея,
Зевают их случайные дружки.

14. О ЖЕНЩИНЕ

Хочет женщина быть красивой,
С гордо поднятой головой,
Хохотуньей, а не плаксивой,
Быть любимой, а не вдовой.

Чтобы к перстню шло ожерелье,
Чтобы нравиться без труда...
Только в жизни так, к сожаленью,
Получается не всегда.

И бывает, что вместо бала,
Дерзких взоров и алых щек,
Дождь стучится да вполнакала
Тлеет слабенький ночничок...

Громких подвигов не содея,
В жертву отданная мелочам,
Одиноко живет, седея,
Шорох слушая по ночам.

15. МОЛИТВА ЗА ЖЕНЩИНУ

Снизойди к тоске простертых дланей
и, как повелось на Руси,
упаси от разочарований,
От пустынь полных упаси!..

Упаси, прошу, ее от сглаза,
ту, что тоньше трепетной свечи,
упаси от стонущего гласа
плакальщицы в пламенной ночи!..

Помоги и в миг, коль по примете
ей глаза прикроют пятаки.
Даже если нет тебя на свете,

все равно, прошу я, помоги!..

16. ДВЕ ЖЕНЩИНЫ

Две женщины встают передо мною,
две женщины преследуют меня.
Одна приходит с темнотой ночью,
другая возникает в свете дня...

Две женщины, два ангела, две музы...
Мне только одному они верны.
И волосы одной, как пена, русы.
И волосы другой, как смоль, черны.

И та твердила о моей вине,
другая ж постоянно мне прощала...
Два демона, две музы, два начала
всю жизнь упорно спорящих во мне...

17. ЧТО ЕЩЁ?

Что ещё мне попросить у бога?..
Собрались морщины по челу.
Я с утра задумался глубоко,
трудно барабаня по столу.

Что еще мне попросить у бога?..
Утренний остыл в стакане чай.
Новый день опять встает с востока,
не продешевить бы невзначай!

Что еще мне попросить у бога?..
Нечего. Вот мировой контраст.
Он ни в чем не заслужил упрека.
Жизнь он дал мне. Смерть еще мне даст.

18. ЗАЙМИСЯ МУЗЫКОЙ, СОКРАТ

В чём тут загвоздка, не пойму?
Уж всё давно решилось, брат!
Но голос был тогда ему:
Займися музыкой, Сократ...»

Что за советы мудрецу?
Такого быть не должно впредь!
Скажи: мыслителю ль к лицу
С утра на дудочке гудеть?

Что скоро будешь глух и нем,
Уже гутарят у оград,
А голос снова между тем:
Займися музыкой, Сократ...»

Так в чем же суть? Так где же связь?
Чтоб, руки уперев в бока,

По камере как ферт пройдясь,
Ты оторвал бы трепака?

Вот в этой чаше не вино,
А нечто горше во сто крат! ...
Но голос все твердит одно:
«Займися музыкой, Сократ...»

19. ГРАММОФОН

Граммфон отошедшей эпохи,
я весь вечер сегодня с тобой.
Мне милы твои хрипы и вздохи,
инструмент с допотопной трубой.

Средь содомов двадцатого века,
что циничен, могуч и умен,
слышу: голос святой человека
из минувших доходит времен.

Не о прихотях потного тела,
но, сипя, и треща, и шурша,
хочет он, чтобы вечно летела
к бескорыстному небу душа.

Он скрипит, шепелявя сердито,
запинаясь и екая зло...
В мире что-то такое забыто,
что-то так безнадежно ушло!

За стаканом постылого чая
среди пустыни сию Мировой,
ручку слабую туго вращая,
в лад качая ему головой.

20. ЗАКЛИНАНИЕ ЗМЕЙ

Я говорю: — А ну, приятель,
пусть спляшет нам твоя змея!..—
И поднял флейту заклинатель,
в глазах чего-то затая...

Что это: мистика иль шутка?
В двадцатом веке, как и встарь,
бывает все ж немного жутко,
когда танцует эта тварь.

Глаза холодные недобры,
и язычок двойной во рту,
но как душа у этой кобры
обожествляет красоту!

Вот встала, извиваясь плавно,
чтоб задержала вдох толпа,

как хладнокровно, как исправно
она выделяет па!..

Того, что мы не видим, видя,
чему-то подчинясь на час,
она танцует, ненавидя
и флейту, и себя, и нас.

21. ЧУДАКИ

Есть в мире чудачки. Они живут среди нас.
Восторженные! Волосы по плечи.
Замысловаты и мудры их речи.
Поступки удивительны подчас.

Очки убоги. Ниткою оправа
Замотана. Зайди на их чердак —
В досаде лишь всплеснешь руками: право,
Вот чучело-то! Батюшки, чудак!

Мечтают всё! До уха одеяло
В ночи натянут, слыша шум в трубе...
А мне бывает жаль, что я так мало
Причуд на свете разрешал себе!

22. ПОИСК ОПОРЫ

Потому что давно потеряли начала концы,
потому что не в силах золу отделить от горошин,
винограда незрелого съели когда-то отцы,
а сейчас от оскомины рот у детей перекошен.
Так кончается век!.. Вновь соблазн стать собою самим,
повернуть выключатель, спустить запыленную штору,
никому не известный, забывший наш мир, аноним,
в беспросветной вселенной найти наконец-то опору.
И совсем ни к чему этот черный клубящийся плащ,
эта шпага, ботфорты высокие эти,
мысль, что все преходяще, и сам-то ведь я преходящ,
и чего там искать на мгновенном, приснившемся свете.
Но нужна ж ведь опора!.. Как тянет туда, в глубину,
как пуста безответная пропасть под нами!
И перо я возьму, и на миг я себя обману
и пройду по пучине неспешно сухими стопами.

23. ОТВЕТЧИК И ИСТЕЦ

Вот в тысячу страниц
трагическая повесть.
В ней действующих лиц
лишь двое: я — и совесть.

И будет ли конец?
Он не предвиден вскоре...
Ответчик и истец
в каком-то мутном споре.

Хоть и неровен слог,
в нем сила есть, заметьте!
Занудный диалог
с рождения до смерти.

Я, о делах печась,
жил суетно, однако...
И голос тот подчас
слабел в глубинах мрака.

Я слышал в те года
внутри, как слабый зуммер
пищал, и знал тогда:
нет, я ещё не умер!